

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

«СООБЩЕНИЯ ХЕРСОНЕССКОГО МУЗЕЯ», вып. IV, Башня Зенона. Исследования 1960—1961 гг., Симферополь, Изд-во «Крым», 1969

Специалисты давно уже ждали первоначальной публикации результатов исследования юго-восточного участка крепостных сооружений Херсонеса Таврического, проводившихся с 1957 по 1961 годы в процессе консервационных работ под руководством недавно скончавшегося С. Ф. Стрелецкого¹. Дело в том, что кроме весьма ценных наблюдений относительно истории строительства городских оборонительных стен (и это — подчеркнем — является наиболее важным итогом предпринятых изысканий для собственно херсонесской истории), в одной из башен, получившей в литературе название башни Зенона, найдена большая группа первоклассных памятников античного искусства, значение которых выходит далеко за пределы Херсонеса. Если добавить к этому, что большая часть памятников снабжена надписями, вырезанными и *diplinti*, то станет понятным тот интерес, с которым специалисты ожидали более подробных сведений о находках, чем те, которые приходилось черпать из устных докладов авторов исследований² и отрывочных сообщений, появлявшихся в печати³.

¹ С. Ф. Стрелецкий, Консервация памятников Херсонеса в 1957—1958 гг., СХМ, I, 1960; он же, Опыт консервации руинированных памятников античного и средневекового Херсонеса, «Сообщения НМС по охране памятников культуры», вып. IV, Консервация архитектурно-археологических памятников южных районов СССР, М., 1969.

² См., например, «Тезисы докладов о раскопках Херсонеса Таврического на античной секции сессии Отделения исторических наук АН СССР и Пленуме ИА АН СССР, посвященных результатам полевых археологических исследований в 1960 г.», Севастополь, 1961 (доклады С. Ф. Стрелецкого «Вопросы датировки оборонительных стен Херсонеса» и В. Н. Даниленко «Полихромные стелы из ядра башни XVII»).

³ Л. Осипова, Вестники Эллады, «Огонек», 1962, № 46; Херсонес Таври-

Юго-восточный участок линии оборонительных стен Херсонеса, как известно, был раскрыт практически почти на всем протяжении раскопками К. К. Косцюшко-Валюжинича, Р. Х. Лепера и исследованиями К. Э. Гриневича. Стенам Херсонеса посвящено несколько крупных монографий⁴, в которых была сделана подробная и детальная типологическая классификация кладок; на основе ее выделялись строительные периоды, определялись даты и устанавливалась хронология крепостного строительства в Херсонесе, увязывавшаяся, по возможности, с теми или иными письменными источниками, освещавшими историю города. Вместе с тем в вопросах

Путеводитель, Симферополь, 1962; Херсонес Таврический, Путеводитель, Симферополь, 1969; Історія Українського містечтва, т. I, Київ, 1966. Более подробные сведения содержатся в статьях В. Н. Даниленко, помещенных в сборниках Уральского университета (В. Н. Даниленко, Опыт реконструкции херсонесского надгробья, АДСВ, вып. 2, Свердловск, 1963; он же, Херсонесские акротерии, АДСВ, вып. 3, Свердловск, 1965; он же, Просопография Херсонеса IV—II вв. до н. э., АДСВ, вып. 4, Свердловск, 1966). Однако кроме того, что эти издания малодоступны, они выпущены на крайне низком полиграфическом уровне, что практически исключает возможность пользования иллюстративным материалом. Одна группа памятников из башни Зенона — надгробные стелы — рассмотрена В. Н. Даниленко в его кандидатской диссертации (Стелы эллинистического Херсонеса как исторический источник, Автореф. канд. дисс., Харьков, 1968).

⁴ А. Л. Бертье-Делагард, О Херсонесе. Крепостная ограда, ИАК, 21, 1907; К. Э. Гриневич, Стены Херсонеса Таврического, ч. 1, ХС, вып. I, 1926; ч. 2, ХС, вып. II, 1927; ч. 3, ХС, вып. V, 1959; А. Л. Якобсон, Раннесредневековый Херсонес, МИА, 63, 1959, гл. II.

датировки оборонительных сооружений оставалось, да остается еще и сейчас, много неясного и спорного, что вызывает необходимость дополнительного исследования уже раскопанных памятников. А это всегда представляет значительную трудность прежде всего потому, что примыкавшие к стенам слои городских напластований были удалены без соблюдения стратиграфической фиксации и регистрации находок по слоям.

В связи с консервационными работами Херсонесский музей провел дополнительные исследования оборонительных стен в таком объеме, в каком они не проводились за последние десятилетия ни в одном из античных городов на юге нашей страны. Вот краткий перечень того, что сделано только на юго-восточном участке. Заново расчищены 16, 17, 19 и 20 куртины, протейхизма, XV, XVI, XVII (Зенона) башни, выполнены архитектурные обмеры перечисленных сооружений, детальная фотофиксация, произведена геологическая разведка участка (бурение). В 1957—1958 гг. исследован участок перибола, оставшийся нераскопанным К. К. Косцюшко-Валюжиничем⁵, а также участок у городских ворот в портовый район Херсонеса. При этом по остаткам кладки и вырубам в скале выявлены следы пилонов ворот в так называемой «древнейшей» крепостной стене, открытой еще К. Э. Гриневичем; окончательно установлена связь этой стены с «казармой»; раскопана цистерна-нимфей, засыпанная в 70—60 гг. IV в. до н. э.⁶, по-видимому, перед строительством новой линии оборонительных стен, и содержавшая наиболее ранний для Херсонеса керамический комплекс конца V — первых десятилетий IV в. до н. э. В 1959—1961 гг. основные работы были сосредоточены на 20-й куртине и наиболее монументальной южной фланговой башне XVII крепостных стен Херсонеса — башне Зенона.

При исследовании последней оказалось, что первоначальная башня была практически вся сложена из полихромных стен надгробных сооружений⁷, очевидно, с близлежащего участка некрополя⁸. Благодаря тому, что в башне созданы условия естественной консервации, многие памятники сохра-

нили красочный слой, что представляет весьма редкое явление. В процессе раскопок все они вынуты и вошли в состав коллекций Херсонесского музея⁹. Предварительным итогом исследования башни Зенона и находок из нее и посвящен рецензируемый выпуск «Сообщений», являющийся, таким образом, в отличие от предыдущих трех¹⁰ тематическим.

Сборник, после редакционного предисловия, открывается статьей С. Ф. Стржеleckого «XVII башня оборонительных стен Херсонеса (башня Зенона)» (стр. 7—29), которая, по словам самого автора, «является изложением истории XVII башни» (стр. 9), так, как он ее представляет в результате собственных изысканий. А работы С. Ф. Стржеleckого значительно меняют и «омолаживают» все прежние датировки, в том числе и его собственные. Это видно из следующей таблицы на стр. 174.

Прежде всего, если всем предшествующим исследователям были известны четыре строительных периода башни, то С. Ф. Стржеleckому удалось выделить еще один из состава третьего (см. табл.). Три из пяти строительных периодов (первый, третий, четвертый) датируются находками, извлеченными из стен (стр. 11—16, 20—21). Все они дают *terminus post quem* для каждой из указанных перестроек. Не будучи специалистом в области средневековой археологии, я не берусь судить о правомерности выдвинутых С. Ф. Стржеleckим дат для последних перестроек башни. Но что касается датировок первых трех строительных периодов, то они могут быть приняты, так как две из них (первая и третья) основаны на твердом фактическом материале. Кроме того, не вызывает никаких сомнений правильность и последовательность выделения пяти перестроек башни вместо четырех¹¹.

В статье, помещенной в сборнике, приведены две группы дат (см. таблицу, Стржеleckий, 1969). Первая (стр. 17—25) основана на добытом раскопками материале, анализе кладок, аналогиях и косвенных соображениях. Вторая (стр. 26—28) является попыткой связать каждую

из 19 были использованы надгробные памятники. Два фрагмента стен видны в ее облицовке со стороны цитадели.

⁹ Несколько памятников переданы в Гос. Эрмитаж.

¹⁰ СХМ, I, Симферополь, 1960; II, Симферополь, 1961; рец. на I и II вып.: П. О. Карышковский, СА, 1962, № 4, стр. 282 сл.; III, Симферополь, 1963; рец. на I вып.: И. Д. Головкин, Археологические издания Херсонесского музея, МАСП, 4, Одесса, 1962.

¹¹ Поскольку мне привелось выполнить полный архитектурный обмер башни во время ее исследования, присоединяю к сказанному и свои личные наблюдения.

⁵ А. М. Гилевич, Раскопки участка перибола у 17-ой куртины оборонительных стен Херсонеса, СХМ, I, 1960.

⁶ В. И. Каци, Массовый амфорный материал конца V—IV вв. до н. э. как источник по истории торговли Херсонеса в позднеклассическую эпоху, «Тезисы докладов на научной конференции 1966 года», Борисоглебск, 1966, стр. 11.

⁷ Первые из них были найдены еще Р. Х. Лепером в 1910 г.; см. ХС, II, 1927, стр. 54 сл., рис. 54—59.

⁸ Не исключено, что и в кладке куртин-

По Гриневичу и др. авторам:	Строительные периоды башни XVII				
	1	2	3	4	5
По Стржелецкому:	1	2	3	4	5
Бертье-Делагард., 1907	ок. сер. III в. до н. э.	не был из- вестен	конец IV в. н. э.		488 г.
Гриневиц, 1927	ок. 300 г. до н. э.	ок. сер. II в. до н. э.	конец IV в. н. э.		после 480 г.
Белов, 1948	нач. III в. до н. э.	конец II — нач. I в. до н. э.	«римский период»		V в.
Стржелецкий, 1950	IV в. до н. э.	нач. III в. до н. э.	позднеантичный или раннесредневековый		488 г.
Якобсон, 1959	«античный период»	«римский период»	конец V в. н. э.		VI в.
Стржелецкий, 1961	руб. IV — III вв. до н. э.	III в. до н. э.	не ранее IV в.	V — VI вв.	не ранее кон. VIII, IX — X вв.
стр. 17—25	не ранее кон. III — нач. II в. до н. э.	первые вв. н. э.	не ранее кон. IV — V в.	не ранее IV в.	не ранее VIII — IX вв.
Стржелецкий, 1969,					
стр. 26—28	первая пол. II в. до н. э.	в конце ап- тичной эпо- хи	время Зе- нона (ок. 480 г.)	не искл., что при Юстиниане I	в IX в.

перестройку башни с определенными историческими событиями и тем самым точнее датировать ее. Здесь не все бесспорно.

Так, например, самым поздним датированным признаком для первого строительного периода служит клеймо астинома Гестиэ на синопской амфорной ручке из забутовки «ядра» (стр. 16). По классификации Б. Н. Гракова 1928 г. оно входит в IV группу, относящуюся ко второй четверти II в. до н. э. Если исходить из этого, то постройку башни следовало бы определить временем не ранее второй четверти — середины II в. до н. э. Однако, опираясь на хронологию Гракова, автор считает возможным сделать вывод, что строительство башни «не могло произойти раньше конца III — начала II в. до н. э.» (стр. 17), не согласующийся с приводимым им же материалом. Этот вывод был бы справедлив, если бы С. Ф. Стржелецкий принял новую датировку синопских клейм, предложенную И. Б. Брашинским¹², но он не упоминает о ее существовании.

Исходя из того, что первая башня связана со вторым строительным периодом

¹² И. Б. Брашинский, Экономические связи Синопы в IV—II вв. до н. э., «Античный город», М., 1963, стр. 133. Надо отметить, что Б. Н. Граков также пересмотрел свою прежнюю хронологию в сторону ее удреждения и получил близкие датировки для группы (там же, прим. 8).

20-й куртины, автор предполагает, что на стыке 19-й и 20-й куртин сначала стояла другая, менее мощная башня, которую полностью разобрали во II в. до н. э. и на ее месте построили «ядро», используя в качестве строительного материала надгробия (стр. 25 сл.). Такая гипотеза кажется справедливой, хотя никаких следов предшествующей башни во время раскопок «ядра» не было обнаружено. Возражения вызывает попытка отнести возведение стены I строительного периода 20-й куртины и, соответственно, создание цитадели к первой половине или середине III в. до н. э. Прежде всего, вряд ли можно безоговорочно считать, что основная линия крепостных стен Херсонеса построена в начале III в. до н. э. На этот счет существуют разные мнения. Доказательств для столь поздней даты нет. Напротив, материалы из уже упомянутой цистерны-нимфея позволяют говорить о IV в. до н. э. Во-вторых, ссылки на раскопки Р. Х. Лопера, К. Э. Гриневица и В. В. Борисовой, которые «не обнаружили на этом участке (в цитадели.—А. III.) культурных слоев раньше III—II вв. до н. э.» подобраны односторонне (стр. 25, прим. 4—6). Ссылка на В. В. Борисову (САИ, вып. VI—20, 1966, стр. 15) вообще неверна. Не только на указанной странице, но и во всей работе речь идет совсем не о том. В другой статье В. В. Борисовой, специально посвященной рас-

копкам в цитадели у башни XVI и не упомянутой С. Ф. Стржеleckим, говорится, что «изучение более ранних (чем первые века н. э. — А. Ш.) слоев в настоящее время невозможно вследствие затопления их грунтовыми водами, что связано с повышенным уровнем моря»¹³. Примерно то же самое наблюдается и в периболе 17-й куртины, где слои древнее III в. до н. э. подтоплены и поэтому раскопки здесь не были доведены до материка¹⁴. В раскопках Р. Х. Лепера с внутренней стороны 20-й куртины и К. Э. Гриневича в 1926 г. у 19-й куртины действительно не встречено материалов, которые позволяли бы говорить о времени ранее начала III в. до н. э. Аналогичная картина наблюдалась на многих участках северо-восточного района Херсонеса, бесспорно заселенного с момента основания города, где к поверхности близко подступает скала. Но при раскопках К. Э. Гриневича в 1928 г. (кстати, тоже не использованных в разбираемой статье) выявлен слой IV—III вв. до н. э.; кроме того, возле калитки в 19-й куртине (II в. до н. э.) обнаружены остатки более древней стены, может быть, сопоставимой с «древнейшей» стеной у 16-й куртины¹⁵. Раскопки 1897 и 1908 гг. показали, что за 20-й куртиной располагался некрополь с погребениями IV—III вв. до н. э., с находками фрагментов надгробных стел и расписных архитектурных деталей¹⁶. Н. И. Репников отмечает находку в насыпи некрополя у 20-й куртины клада херсонесских монет IV в. до н. э.¹⁷ Все это говорит за то, что первый строительный период куртины уже существовал в указанное время. В-третьих, в облицовку внутренней стороны 19-й куртины II в. до н. э. у так называемой «базилки Леонтия—Лаврентия» включен участок более древней кладки, судя по всему, одновременной стене I строительного периода 20-й кур-

тины. По типу кладки и характеру камня он идентичен кладке внутренних стен «казармы» у юго-восточных ворот, стен и башен «Страбонова» Херсонеса и облицовка подвала в доме, раскрытом Р. Х. Лепером в 1913 г. у Главной улицы. Все перечисленные постройки датируются временем не позже IV в. до н. э., причем скорее первой его половиной. Наконец, нельзя не упомянуть колодец на территории Внешнего Керамика III—II вв. до н. э., содержащий материал середины IV в. до н. э.¹⁸ Все сказанное противоречит точке зрения С. Ф. Стржеleckого. Очевидно район, в который входил Внешний Керамик и цитадель, был освоен херсонесцами раньше III—II вв. до н. э. Вместе с тем материалов для решения вопроса о более точном времени возведения ранних стен в районе цитадели еще недостаточно, что вызывает необходимость проведения здесь дальнейших исследований.

Некоторое недоумение вызывает отнесение С. Ф. Стржеleckим даты первого утолщения башни Зенона (2 строительный период) в одном месте (стр. 18) к «первым векам нашей эры», а в другом (стр. 27) — к «концу античной эпохи» (см. таблицу). Между тем им же очень убедительно показано, что в конце античной эпохи возведены башня третьего строительного периода и третий пояс 20-й куртины (стр. 20 сл., 27).

Приведенные замечания не снижают важнейшей заслуги автора: окончательного и точного выделения следов всех пяти перестроек башни Зенона — самого монументального фортификационного сооружения в Северном Причерноморье. Весьма важным представляется предположение С. Ф. Стржеleckого, что угроза нападения скифов на Херсонес существовала на протяжении всего II в. до н. э. и что поспешное возведение башни из надгробий, святых с собственного некрополя «является дополнительным свидетельством военной угрозы со стороны скифов задолго до походов Диофанта» (стр. 26 сл.). В связи с этим считаю необходимым отметить, что к настоящему времени накопилось немало фактов (на них здесь нет возможности остановиться), которые не позволяют включать II век до н. э. в эпоху расцвета Херсонесского государства, как это принято в современной историографии¹⁹. Второй век —

¹³ В. В. Борисова, Раскопки в цитадели в 1958—1959 гг., СХМ, III, 1963, стр. 48, прим. 2.

¹⁴ Можно предпологать, что современный уровень моря в районе Херсонеса выше уровня моря рассматриваемой эпохи не менее, чем на 3 м (Н. С. Благоевлин, А. Н. Щеглов, Колебания уровня Черного моря по данным археолого-геоморфологических исследований в Юго-западном Крыму, «Известия АН СССР», сер. географ., 1968, № 2, стр. 57).

¹⁵ К. Э. Гриневич, Раскопки в Херсонесе в 1927 и 1928 гг., «Крым», № 1(9), 1929, стр. 25, 27.

¹⁶ ХС, II, 1927, стр. 179, 186. Есть все основания предпологать, что именно с этого участка некрополя были сняты надгробия для строительства башни I периода.

¹⁷ ХС, II, стр. 183; раскоп IV.

¹⁸ В. В. Борисова, Гончарные мастерские Херсонеса, СА, 1958, № 4, стр. 152 (ср. САИ, Г1—20, М., 1966, стр. 16 — дата печи № 9); Кац, ук. соч., стр. 11. Колодец зачищался в 1957 и 1960 гг. До дна не исследован.

¹⁹ С. Ф. Стржеleckий, Основные этапы экономического развития и периодизация истории Херсонеса Таврического в античную эпоху, «Проблемы исто-

это, по-видимому, эпоха скифо-херсонесских войн, период значительного спада экономической активности Херсонеса, общий кризис Херсонесского государства²⁰.

К обобщающей статье С. Ф. Стржелецкого непосредственно примыкает публикация монет, найденных во время раскопок башни и 20-й куртины (А. М. Гилевич, *Определение монет*, стр. 90 сл.). Остальные статьи в рецензируемом сборнике содержат краткую публикацию полихромных надгробий, из которых была сложена первоначальная башня («ядро»). При исследовании башни было вынута всего 345 фрагментов стел и архитектурных деталей IV—III вв. до н. э. от монументальных надгробных памятников. На 165 фрагментах во многих случаях удивительно хорошо сохранились следы тематических и орнаментальных живописных композиций. Среди находок есть совершенно уникальный памятник античной живописи — обломок плиты, вероятно из стены напска, с изображением лица молодого мужчины, написанного восковыми красками. В 42 случаях фрагменты сохранили краткие эпитафии. По-видимому, не исключено, что это или чуть большее число надгробных сооружений и составило тот строительный материал, который потребовался для возведения башни. Наконец, надо сказать и о двух скульптурных находках: мраморной голове кариатиды и антропоморфном надгробии известного для Херсонеса типа. По справедливому заключению С. Ф. Стржелецкого, ценность всех этих находок «для истории Херсонеса, древнегреческого искусства и архитектуры исключительно» (стр. 13). Добавим, что это открытие — одно из крупнейших в отечественном антиковедении и одно из наиболее важных среди работ такого видного археолога, каким был С. Ф. Стржелецкий.

Почти половина вынутых из башни обломков (151 фрагмент) принадлежит широко распространенным в эллинистическом мире надгробным стелам²¹. Важность публикуемой находки — это надо еще раз подчеркнуть — заключается в основном в том, что они сохранили в той или иной степени следы полихромной раскраски, что встречается чрезвычайно редко. Рассмотрению стел посвя-

рши Северного Причерноморья в античную эпоху», М., 1959, стр. 74—79.

²⁰ А. Н. Щеглов, *Основные этапы истории Западного Крыма в античную эпоху*, «Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья», Л., 1968, стр. 339.

²¹ В одной из публикаций В. Н. Даниленко дал убедительную реконструкцию вида херсонесской стелы на некрополе (АДСВ, 2, Свердловск, 1963, стр. 18 сл., рис. 3).

щены две статьи: В. Н. Даниленко «Надгробные стелы» (стр. 29—44) и Л. Г. Колесниковой «Воинские надгробия» (стр. 44—54). В первой содержится общая характеристика данного вида памятников. На примере некоторых наиболее ярких стел В. Н. Даниленко дает представление о тех типах, которые были обнаружены в башне. Автор в своей работе подходит к памятникам с принципов формально-типологической классификации. Из всех признаков, сопутствующих указанному виду памятников, он избрал наиболее четкий и ярко выраженный: характер архитектурных венчающих частей стел. Исходя из этого, он делит все памятники на четыре типа: (1) стелы с фронтоном; (2) с антефиксами; (3) с акротерием; (4) завершающиеся профилированным карнизом (стр. 30). Вместе с тем, разбирая живописные и рельефные (тоже раскрашенные) изображения на лицевой поверхности памятников, автор делает интересное наблюдение: стандартизированное изображение определенных атрибутов, очевидно, содержит в себе информацию о поле и возрасте умерших. Так, по-видимому, стелы с изображением тэши и алавастра ставились на могилах женщин; со стригилем и арибаллом — юношей; с оружием — мужчин, умерших в расцвете сил; с посохом — пожилых мужчин (стр. 41 сл.). Но, как мне кажется, автор придал указанной информативности памятников гораздо меньшее значение, чем они заслуживают на самом деле. Ничего не имея против формально-типологического подхода к изучаемым объектам, считаю, что примененная В. Н. Даниленко классификация приемлема только для первоначального, описательного изучения херсонесских стел, каковой собственно и является данная публикация. В дальнейшем исследовании, несомненно, в основу классификации должна лечь символика изображений как признак, отражающий смысловое значение памятников.

Именно с такой точки зрения рассматривается группа надгробий в статье Л. Г. Колесниковой. Еще до находки памятников в башне Зенона автор выделила группу херсонесских стел второй половины IV—III в. до н. э. с изображением оружия, нигде более в центрах Северо-Западного и Северо-Восточного Причерноморья не встречающихся²². Открытие в башне Зенона позволило сделать ряд дополнительных наблюдений и дать реконструкцию росписи стелы Гераклия Тибеева (к сожалению, помещенной не в цвете — стр. 52, рис. 26—27). Интересно наблюдение (стр. 47), что совместное помещение изображений меча и стригиля на памятнике, по-видимому, есть символ умершего эфеба; это существенно для де-

²² Л. Г. Колесникова, *Стелы с изображением оружия*, СХМ, II, 1961.

мографии эллинистического Херсонеса. Важно для датировки строительства «ядра» хронологическое определение первого и второго вариантов стел с оружием.

В статье Э. И. Соломоник «Памятники с надписями» рассматриваются эпитафии на надгробных сооружениях. Несмотря на их краткость, они дали исключительно богатый материал для херсонесской ономастики. Достаточно сказать, что из 77 имен, в них содержащихся, 43 (или 55,8%) — новые для Херсонеса. Как отмечает автор (стр. 75), наряду с вполне естественным преобладанием дорийских имен, здесь встречены имена пафлагонского, фригийского, иранского и фракийского происхождения. Оставляя в стороне три первых группы негреческих имен, появление которых легче объяснить, считаю необходимым обратить особое внимание на имена фракийские. Не являются ли они признаком появления в Херсонесе во второй половине IV в. до н. э. какой-то группы населения из Западного Понта, связанном с вполне определенными политическими событиями (ср. Diod. Sic., XX, 25 для Боспора в чуть позднее время)? Если это так, то мы получаем весьма важный источник для изучения вопроса о зафиксированном быстрым росте как населения, так территории и экономики Херсонеса именно с указанного времени.

Последняя статья рецензируемого сборника принадлежит перу С. Ф. Стрелецкого (Животных и полихромные росписи монументальных надгробных сооружений IV—III вв. до н. э.). В ней приводятся краткие сведения о количестве найденных фрагментов монументальных надгробий и дается подробное описание трех наиболее выразительных полихромных обломков: карниза, фриза (архитрава) и плиты с изображением мужской головы. Поскольку автор был археологом, а не искусствоведом, мы не можем адресовать к нему упреки в недостаточно профессиональном применении искусствоведческих понятий и анализа. Важно, что эти уникальнейшие для античного искусства памятники вошли в научный оборот и стали доступными для специалистов, которые, вне всякого сомнения, будут обращаться к ним многократно, ибо эти находки без преувеличения имеют мировое значение (и прежде всего, разумеется, изображение молодого мужчины).

Все архитектурные детали, обнаруженные в башне Зенона, являются частями монументальных ярко расписанных надгробий в виде наисков, установленных на ступенчатых стилобатах. По-видимому, болезнь и преждевременная смерть помешали С. Ф. Стрелецкому внести соответствующие исправления в свою статью (стр. 85). Но к такому безусловно правильному выводу он пришел в процессе исследования вынутых памятников:

на эту тему мне приходилось с ним беседовать.

Сборник, как и все три предыдущих выпуска «Сообщений Херсонесского музея», издан на высоком полиграфическом уровне, что позволяет ставить эту серию в один ряд с изданиями центральных музеев. Обращает внимание хорошее качество иллюстраций. Вместе с тем необходимо бросить несколько упреков, относящихся к редакционной стороне. В подписи к рис. 1 указано, что «метр стоит на цоколе третьего строительного периода» (стр. 8), между тем на иллюстрации никакого метра нет. На рис. 2 (стр. 9) неверно нанесены штриховка первого строительного периода башни и линия разреза В—Г. В подписи к рис. 5 в первой строке пропущено слово надгробий (или стел). На стр. 15 дан неверный перевод надписи № 391 (Γοργίππυ 'Αμφιάς Μάρτυρος). Местами встречаются неточные выражения, например «внутренняя облицовка» башни первого периода (стр. 11), искажающие смысловое значение текста. Таких замечаний можно привести немало.

Хорошей традицией стала публикация в конце каждого выпуска «Сообщений» библиографии по истории и археологии Херсонеса. В IV выпуске помещен список литературы, вышедшей в 1963—1965 гг.²³, содержащий 55 названий. К сожалению, он очень не полон²⁴.

²³ Библиография за 1958—1962 гг. опубликована в СХМ, вып. I—III.

²⁴ Так, в список не попали четыре статьи (Н. И. Барминой, В. Н. Дашпенко, В. В. Кучмы, Е. Г. Сурова), изданные в «Ученых записках Уральского ун-та» (АДСВ, вып. 3, УЗУРГУ, вып. 41, Свердловск, 1965), а также такие работы: Ю. А. Б а б и н о в, К истории исследования религии Херсонеса Таврического V в. до н. э. — I в. н. э., УЗМОПИ, т. 121, истфак, вып. 5, 1965; В. И. К а д е е в, Ремесла и промыслы Херсонеса Таврического в I—IV веках н. э., Автореф. канд. дисс., Харьков, 1963; В. И. К а ц, О роли торгового фактора в возникновении Херсонеса Таврического, УЗМОПИ, т. 121; П. О. К а р ы ш к о в с к и й, Ольвия и Херсонес по пумизматическим данным, КСОГАМ за 1963 г., Одесса, 1965; М. А. Н а л ь к и н а, Херсонес и Керкинитиды в «Херсонесских этюдах» А. И. Тюменева, ПСЭИДМ, М. — Л., 1963; А. А. Н е й х а р д т, Херсонесские клейма как источник для изучения торговых связей Херсонеса и Боспора в эллинистическую эпоху, там же; Р. А. Н о в и к о в а, Эпиграфические данные о стратегах Херсонеса Таврического, сб. «Исследования по истории феодально-крепостнической России», М. — Л., 1964; И. В. С о к о л о в а, Херсонесские монеты с портретами императоров, ИЭ, V, 1965; В. В. С т р у в е, Фрагменты

В заключение хочу еще раз подчеркнуть, что некоторые замечания (их могло бы и не быть) и спорные моменты (которые, очевидно, всегда будут присутствовать в научных исследованиях) насколько не умаляют достоинств изданной книги. Появление ее, несомненно, — отрадное явление в отечественном антиковедении. Остается только пожелать, чтобы в ближайшее время Херсонесским музеем было предпринято полное и де-

тальное издание замечательных памятников, о которых шла речь в рецензируемом выпуске, а также издание остальных материалов исследования крепостных стен Херсонеса в 1957—1961 гг. Такие публикации, помимо их важного научного значения, явились бы лучшим памятником исследователю Херсонеса — С. Ф. Стржелецкому.

А. Н. Щеглов

труда древнейшего историка СССР, сохранившиеся у различных античных историков, Тр. ЛОИИ АН СССР, вып. 7, 1964. Вероятно, данный список можно продолжить. Кроме того, по непонятным причинам из рефератов, помещенных в «*Bibliotheca classica orientalis*» за 1963—1965 гг., в список попал только

один — В. В. Борисовой, а остальные 14 по херсонесской тематике в него не вошли (В. А. Анохина, К. В. Голенко, З. А. Билимович, А. М. Гилевич, А. П. Ивановой, В. И. Кадеева, М. А. Наливкиной, Э. И. Соломоник). Здесь, очевидно, следовало бы придерживаться одного принципа.

Г. ГОЗАЛИШВИЛИ, *Два этюда из истории Понта и Каппадокии*, Тбилиси, 1967

Книга содержит два этюда и приложение. Первый этюд озаглавлен: «Культ Сараписа и Синопа», второй — «О национальной принадлежности „трех великих каппадокийцев“». Приложение относится ко второму этюду. Поскольку второй этюд посвящен исключительно каппадокийско-кавказской проблематике, автор настоящей рецензии, будучи египтологом, рассматривать их не может; в рецензии подвергается разбору лишь первый этюд, в котором значительное место занимает египтологическая проблематика.

В аннотации к книге о первой проблеме сказано следующее: «Первая из них касается вопроса о взаимоотношении между древнеегипетским божеством Тот и грузинским языческим божеством луны. Учитывая сообщения первоисточников, а также данные научной литературы по этому вопросу, автор приходит к выводу, что название означенного божества (Тот — *Тоти*) египтяне должны были перенять у грузинских племен, когда последние обитали на Черноморском побережье». Такими словами издательство «Сабчота Сакартвело», выпустившее эту книгу, резюмирует первый из двух «этюдов» Г. Гозалишвили.

Аннотация эта действительно верно передает основное положение данного «этюда» Г. Гозалишвили. Автор заканчивает его следующими словами (стр. 26): «1. Издавна существовали тесные сношения между Египтом и теми районами Малой Азии, которые издревле были населены древнегрузинскими племенами. 2. Существовали отношения между Египтом и Закавказьем, где также обитали грузинские племена и откуда вывозился кораблей. 3. В Египте в очень отдаленную эпоху появляется колония этрусков,

родство которых с древнегрузинскими племенами не исключено и среди которых культ лунного божества был идентичным и по имени и по значению; население Египта могло познакомиться с этим культом посредством общения с этрусками».

Естественно, что ни один профессиональный египтолог (и автор данной рецензии в том числе) не может пройти мимо столь «ответственных» утверждений и не заинтересоваться тем, на основании каких данных и какими методами получены эти выводы, какими источниками и какой литературой пользуется автор, стремящийся по-новому осветить самые серьезные вопросы истории древнего Египта, его религии и культуры. От автора, ставящего себе такую задачу, читатель вправе ожидать серьезного знакомства с литературой предмета (включая обязательно и новейшую), знакомства с источниками и хотя бы кое-каких познаний в египетском языке. Ознакомление с «этюдом» Г. Гозалишвили показывает, что ожидания читателя напрасны, что автор не затруднил себя знакомством с египтологической литературой и египетскими источниками. Единственный египтологический труд, который открывал Г. Гозалишвили, — это магистерская диссертация Б. А. Тураева «Бог Тот», опубликованная 70 лет тому назад (СПб., 1898). При бурном развитии науки как раз за эти 70 лет нельзя сказать об авторе «этюда», что его познания в области египетской религии находятся на современном уровне науки!

После труда Б. А. Тураева по египетской религии было опубликовано огромное число работ, как обобщающих, так и по частным вопросам, и в том числе монография Бойлана о боге Тоте. Но все это осталось для автора «этюда» книгой за